

2. Волхонский, М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции / М.А. Волхонский // Отечественная история. – 2005. – № 5. – С. 48–63.
3. Канингем, Д.В. С надеждой на собор. Русское религиозное пробуждение начала XX века / Д.В. Канингем; пер. с англ. прот. Георгия Сидоренко. – London: Overseas publ. interchange, 1990. – 353 с.
4. Свирид, А.Н. Роль Галицкого митрополита А. Шептицкого в распространении унии на территории Беларуси в первой половине XX века / А.Н. Свирид // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Філасофія. Гісторыя. Псіхалогія. Педагагіка. Літаратуразнаўства. – 2002. – № 1. – С. 38–49.
5. Свирид, А.Н. Униатская церковь в Западной Беларуси (1921–1939 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.Н. Свирид. – Минск, 2003. – 178 с.
6. Гарошка, Л. Пад знакам рускае і польскае веры / Л. Гарошка. – Б. м.: Контэкт, 1990. – 93 с.
7. Свирид, А.Н. Униатская церковь в Западной Беларуси (1921–1939 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.Н. Свирид. – Минск, 2003. – 178 с.
8. Garbinski, J. Belaruski ruch chrzescijanski XX wieku. Slownik biograficzno-bibliograficzny / J. Garbinski, J. Turonek. – Warszawa: Polska Akademia Nauk, Instytut Slawistyki, Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2003. – 560 s.
9. Табунов, В.В. Идея возрождения униатской церкви на белорусских землях и память про унию среди белорусов в конце XIX – начале XX вв. / В.В. Табунов // Брэсцкая царкоўная унія (1596–2006): гісторыя і сучаснасць: зб. навук. арт. / Брэсц. дзярж ун-т імя А.С. Пушкіна, каф. культуралогіі. – Брэст: выд-ва БрДУ, 2006. – С. 124–133.

УДК 2

РЕЛИГИОЗНАЯ МОРАЛЬ И МИР ДУХОВНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ ТЕВТОНСКИХ РЫЦАРЕЙ В КОНЦЕ XIII в.

Уваров Игорь Юрьевич,

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого
(г. Гомель, Беларусь)

События, изложенные Петром из Дусбурга в «Хронике земли Прусской», вполне заслуживают внимания современных медиевистов. В данной работе представлены отдельные фрагменты хроники, касающиеся вопросов духовной идеологии и религиозного сознания тевтонских рыцарей крестовосцев. Автор хроники в характерной для того времени манере излагает различные события с позиции религиозного мистицизма, что было свойственно для верующих христиан католиков в конце XIII в. [1, с. 233–235].

В промежутке между 1286–1290 гг. автор хроники сообщает, что в замке Кёнигсберг жили «добродетельные люди: братья и доблестные рыцари». Вся их жизнь была наполнена воздержанием и коленопреклонёнными молитвами. И был среди них один рыцарь по имени Альберт фон Мейссен комтур (комтур – командор, господин, который управлял замком и ему подчинялся вооружённый отряд рыцарей) человек он был благочестивый и достойный похвалы со стороны других людей. Как рассказывали очевидцы во времена, когда брат Альберт был ещё совсем молодым человеком, у него случилось ущемление плоти «доно ему было жало в плоть, ангел сатаны удручал его». По этой причине Альберт многократно просил Господа, чтобы тот избавил его от этого недуга, но в ответ он слышал небесный голос, который настойчиво ему говорил «если ты хочешь избежать тяжёлых соблазнов, то должен истинно произносить каждый день одну молитву»: «О всевышняя любовь, дай мне истинное и чистое вождение к тебе и к непорочности и очисти душу мою и избави меня от скверны». И когда Альберт долгое время ежедневно произносил эту молитву, то в его теле почти совсем угас очаг греха и никакой сильный соблазн больше не уязвлял в дальнейшем его душу [2, с. 141]. На основании таких примеров можно предполагать, что жизнен-

ные интересы молодого тевтонского рыцарства, подавлялась настойчивой молитвой, которая была направлена на сдерживание человеческих желаний во имя свершения рыцарских подвигов [2, с. 141].

Таким образом, видно, что военная организация Тевтонского ордена была рассчитана на многочисленную армию из воинов, у которых отсутствовала обременённость тяготами домашнего очага и семейного быта. Это по сути своей были абсолютно свободные от супружеских обязательств люди. Молодые воины, основной работой которых была война для блага «братьев ордена», прославляя его военно-религиозное руководство.

Далее Пётр из Дусбурга сообщает своим читателям о том, что произошло ещё с одним братом ордена по имени Герард. До того времени, когда Герард стал рыцарем он жил мирской жизнью, являясь слугой бранденбургского маркграфа. По профессии этот человек был хорошим плотником и знатоком по изготовлению военных орудий [2, с. 146]. Благодаря его усердному труду было изготовлено много стенобитных машин, которыми разрушались стены замков и городов. В этом рассказе, как и в предыдущих, автор хроники прибегает к своему неоднократно апробированному способу, когда с помощью страха и различных чудес можно заставить человека покинуть родные места и уехать в Пруссию, где его примут как брата Тевтонского ордена. Именно так случилось с Герардом после того как он сделал много таких орудий. «К нему однажды ночью, когда он, уже лежал в своей постели, через закрытую дверь вошли четыре человека, «неся в руках четыре зажжённых свечи». Эти люди обвинили его во многих греха имея в виду его причастность к постройкам военных сооружений. Они потребовали от Герарда исправить своё поведение или он умрёт, и в подтверждении сказанному накинули на него белое покрывало «как принято покрывать останки мёртвых». От этих явлений Герард сильно испугался, он быстро собрался и ушёл пешком в Прусскую землю, взяв с собой этот погребальный покров. Это позволило ему вступить в «орден дома тевтонского». Далее автор хроники указывает на справедливость принятого решения, которое помогло Геральду стать на путь святой жизни, которую он счастливо закончил не вдаваясь в подробности как именно.

Понятие «чудесное избавление» находит своё оправдание и на других страницах хроники. О чудесном избавлении братьев в одном войске свидетельствует очередной рассказ. В 1292 г. магистр, который заботился о доверенном ему деле по уничтожению язычников собрал большое войско состоявшее из орденских братьев и простых ратников и как только это войско начало наступление в пределы Литвы, к его предводителю рыцарю «брату Генриху Цукшверту» пришёл один «прусс» житель прусских земель. Он принёс известие, что в войске крестоносцев готовится измена, если оно войдёт «в землю Литовскую» [2, с. 148]. Этот человек сообщал, что ратники ВКЛ собравшись в одном месте готовы к наступлению с целью уничтожения неприятеля «и никому из вас не избежать гибели». Если бы братья-рыцари решили отступать назад, то по возвращению их могли убить свои как изменников. В сложившейся ситуации Генрих Цукшверт спросил у прусского перебежчика: «Коли так, то посоветуй нам, как избежать беды». Тот ему ответил: «Возвращайтесь во всеоружии в свои пределы. Только бы они убоялись вашего сопротивления и отступились от злодеяния, которое замыслили». После этого Генрих Цукшверт сообщил эту информацию магистру ордена. После этого неудачного похода магистр обсудил эту ситуацию с другими рыцарями и было принято решение направить лазутчиков к литовцам, которые вернувшись сообщили, что сказанное братом Генрихом подтвердилось. Желая вернуть авторитет своим замыслом в отношении провалившегося похода магистр приказал объявить о всеобщем сборе военных людей в пределах своих владений и отправке их в пределы языческой Литвы.

Литература

1. Уваров, И.Ю. Религиозное сознание и поведение рыцаря из Тюрингии в начале XIV в. // Религия и общество – 11: Сборник научных статей / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2017. – С. 233–235.
2. Пётр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. – М.: Ладомир, 1997. – 384 с.

УДК 2

ЭТНИЧЕСКАЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКО- ЛИТОВСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Улейчик Наталья Леонидовна,

Гродненский государственный университет имени Я. Купалы
(г. Гродно, Беларусь)

В статье раскрывается взаимосвязь этнического и конфессионального факторов для формирования этнической идентичности в условиях этнокультурного пограничья.

Вопросы, связанные с идентификационными процессами, приобретают особую значимость в условиях, когда Республика Беларусь укрепляет государственность, и этнонациональная идентичность оказывается одним из существенных показателей жизнеспособности страны и гарантом ее национального суверенитета. Как и в любом поликультурном и поликонфессиональном социуме, в Беларуси имеет место взаимодействие конфессиональных и этнокультурных процессов. Тем более эта проблематика актуальна для Гродненского региона как белорусско-польско-литовского пограничья.

Анализ этносоциальной структуры Гродненской области позволяет выделить несколько типов районов на основе их этнического состава.

Первый: районы с преобладанием польского населения – Вороновский (80,8 %).

Второй: районы, где преобладает белорусское население. Это Кореличский (94,8 %), Ошмянский (89,7 %), Новогрудский (89,3 %), Сморгонский (87,4 %), Островецкий (86,9 %), Слонимский (85,9 %), Дятловский (84,8 %), Ивьевский (79,6 %), Мостовский (74,7 %), Свислочский (74,6 %) и Берестовицкий (70 %) районы.

Третий: районы с преобладанием белорусского населения, но с достаточно высокой прослойкой поляков – Волковысский (63,4 % белорусов и 25 % поляков), Зельвенский (70,7 % и 23,6 % соответственно).

Четвертый: районы с близким соотношением белорусского и польского населения. В Гродненской области это Лидский (51,4 % белорусов и 35,3 % поляков), Щучинский (45 % и 46,4 % соответственно), Гродненский (56 % и 33,6 %), что свидетельствует о тенденции сближения этнических структур населения этих районов.

Пятый: районы, в которых представлены небольшие этнические и национальные группы татар (Ивьевский (1,8 %) и Новогрудский (0,5 %) и литовцев (Вороновский (1,6 %) и Островецкий (2,6 %) районы [1].

«Фактор веры» остается важнейшим фактором этнической идентификации / дифференциации в Гродненском регионе. Во-первых, очевидно доминирование религиозной ориентации представителей всех этносов. Во-вторых, подавляющее большинство белорусов, русских и поляков идентифицировало себя конфессионально, что позволяет рассматривать католицизм и православие не только в их собственно религиозных, но и этнокультурных функциях. В-третьих, очевидно несовпадение этнических и конфессиональных границ, проявляющееся в этнической диссоциации белорусов.